

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

- эту книгу в: Семитские языки. М., 1963, с. 222-226, а также: Дарвиш 'Абдаллах. Ал-Ма'аджим ал-'арабийя ма'а и'тина' х'асс би-му'джем ал-'Айн ли-л-Халил ибн Ахмад. Ал-К'ахира, 1956; Хил'ал Н'аджи. Мутахайир ал-алф'аз ли Ахмад ибн Ф'арис. (Дир'аса ва тах-к'ик), - ал-Лис'ан ал-'араби', УШ/І, ар-Раба'т, 1971, с. 377; J. Haywood. *Kāshūh*. - EI². Vol. IV, Leiden, 1975, с. 524-525.
2. См.: А.Б.Халидов. Арабский язык. - Очерки истории арабской культуры У-ХУ вв. М., 1982, с. 60.
 3. См.: В.М.Белкин. Арабская лексикология. М., МГУ, 1975, с. 172; J. Haywood, там же ; L. Kopf. Structure and Arrangement of Mediaeval Arabic Dictionaries.- *Léssonenu*, vol. XXXIV, No 1-2, Jerusalem, 1970, с. 5.
 4. S. Wild. Das Kitāb al-'Ain und die arabische Lexikographie. Wiesbaden, 1965, с. 84.
 5. Ch. Rieu. Supplement to the Catalogue of the Arabic Manuscripts in the British Museum. L., 1894, с. 574-575.
 6. Ch. Rieu, там же : W. Ahlwardt. Verzeichniss der arabischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd VI. 1894, NoNo 6954-6957, с. 239-241.
 7. Г.Г.Зарине-заде. Теоретические основы арабско-азербайджанского словаря. Автореф. докт. дисс. Баку, 1974, с. 67-68.
 8. Так, Х. Нассар объединяет "ал-Джамхару", "ал-Муджмал" и "ал-Ма-каййис" в общую группу (ук. соч., т. 2, с. 370-448), в то время как Дж. Хейвуд относит их к группам разным (ук. соч., с. 525). Г.Г. Зарине-заде, например, приняв за исходный момент одной из классификаций алфавитный порядок, для определения специфики словарей, составленных по РП, вынужден вводить понятия "регрессия", "прогрессия", "прогрессивно-регрессивная система" (ук. соч., с. 78-81).

А. С. Четверухин

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НАЛИЧИИ "ИМЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ" В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ ?

Сравнительно недавно в египтологии начал распространяться новый взгляд на традиционную классификацию частей речи, что послужило толчком к переосмыслению всего синтаксиса. Прежняя классификация, представленная несколькими (различающимися не принципиально) вариантами¹ в целом соответствует таковой для индоевропейских язы-

ков. В ходе исследования выяснилось, что египетские предлоги, большая часть которых восходит к именам², образуя относительные прилагательные, сохраняют многое от "имени пространственного"³; прилагательные, в зависимости от синтаксической функции, сближаются то с финитной формой глагола посессивного спряжения, то с причастием, то с более старой финитной глагольной формой (старым перфектом или формой качества и состояния)⁴; немногие собственнo-наречия могут рассматриваться как имена⁵; "по своей природе египетские причастия являются отглагольными прилагательными"⁶; императив при желании тоже можно считать именной формой, которая, к тому же, в конце концов почти совершенно вытесняется инфинитивом; частицы, насколько можно понять⁷, имеют местоименное, предложное и даже глагольное происхождение⁷, - так что создается впечатление, что остаются имена (в широком смысле), местоимения (вопросительные имеют явно вторичное происхождение), междометия и глагол, представленный двумя вышеупомянутыми формами (первая имеет не принципиально различающиеся в структурном плане разновидности), поскольку неличные формы - те же имена. Еще недавно полагали, что формы посессивного спряжения восходят к причастиям⁸, но затем появилась гипотеза о том, что в их основе лежит имя действия⁹. Что же касается старого перфекта, по значению близкого к "индоевропейскому медиум-перфекту"¹⁰, то он генетически восходит к той же конструкции, что и аккадский статив - причем по гипотезе Клингенхебена-Дьяконова в формах его суффиксной флексии сохранились следы исчезнувшего в протоегипетском префиксного спряжения глагола "быть"¹¹. При этом, аккадский статив - "именное предложение, где субъект I может быть именем любого класса, а субъект II - личным местоимением"¹². Так как других личных форм глагола в египетском нет, уже сами эти факты могут привести к отмене понятия "глагол" для данного языка, тем более, что до сих пор нет единого мнения о таких важнейших характеристиках глагола, как направленность действия и т.д. И действительно, скепсис по поводу глагола нашел свое выражение при исследовании синтаксиса сначала в работе В.Шенкеля, пришедшего к категорическому выводу, что "именное и глагольное предложения не являются реалиями египетского языка"¹³, а затем в труде Ф.Юнге, посвященном детальному изучению среднеегипетского синтаксиса методом трансформационной порождающей грамматики¹⁴. Эта, безусловно, полезная, хотя и содержащая ряд ошибочных постулатов, и соответственно, выводов, работа подробнее рассматривается нами в другой статье¹⁵, здесь же важно лишь то, что все египетские предложения, по мысли автора, восходят к двум основным типам - маркированному

и немаркированному именным предложениям (в состав первого входит примерно то, что мы как раз и считаем именным предложением¹⁶, а в состав второго – все остальное: глагольные, ложноглагольные и наречные предложения по традиционной классификации). Если это так, то мы имеем дело с двумя разновидностями предложения, где в функции главных членов выступают неформленные (недифференцированные) части речи. Тогда снимается термин "именное предложение" вслед за самим термином "имя", ибо бином "имя – глагол" нерасторжим – говорить о наличии в языке имени при отсутствии глагола просто некорректно лингвистически! Стало быть, вопрос в дифференциации частей речи в египетском языке, а он и в самом деле далеко непросто. Впрочем, похожие несогласия наблюдаются даже при анализе материала долго изучаемых современных (живых!) индоевропейских языков. Обсуждение этой проблемы началось уже во второй половине прошлого столетия в эпоху господства младограмматической школы и не закончилось в наши дни. Сомнения в традиционной классификации, возникшие на почве индоевропейского материала, усугубились в XX в., когда в орбиту исследования были вовлечены языки резкоотличной типологии. Это вызвало известный скепсис. Но наряду со скептическими высказываниями существуют десятки (если не сотни) позитивных, приводить которые здесь нет ни смысла, ни места. У "позитивистов" учитываются три центральных момента: морфологический, функционально-синтаксический и семантический в самом широком смысле – от семантики словоформы до контекста, на который она влияет. Как правило, учитываются либо все факторы (если позволяет тип языка), либо комбинируются последние два, причем упор делается на одном как ведущем в зависимости от подхода и материала. На чем основан скепсис в отношении египетского материала? На незавершенности исследования египетской вокализации, хотя этим занимались многие исследователи. Но не говоря уже об объективных трудностях "пробивания" к "звучанию" сквозь систему египетского письма, разнородность материала и не (до) исследованность фонологии языков источников (даже коптского!), были и методологические просчеты, и тенденциозные искажения – все это привело к другой крайности: к неучету потенциальных возможностей морфологии. Однако, сам факт решительного преобладания трехсогласного корня, выравнивания дву – согласных основ под трехсогласные совершенно ясно говорит о структуре словоформы, близкой к семитской, где очень важную роль играла внутренняя флексия. С функционально-синтаксической стороны путаница, все же, довольно редка и в основном касается форм глагола. Теперь о семантике в широком смысле: мы можем четко противопоста-

вить чисто именные основы чисто глагольным, хотя и есть ряд "переходных" случаев. Но вот на что следует обратить самое пристальное внимание: на "рисуночный" характер египетского письма, а именно - на систему детерминативов, уже развитую в среднеегипетском. Так, если от глагольной основы образуется субстантивная форма, она, наряду с глагольным детерминативом, получает и детерминатив предметности или абстрактности понятия (при этом глагольный детерминатив может и вовсе исчезнуть), ну а то, что чисто именные и чисто глагольные основы имели разные детерминативы - это давно и хорошо известно. Разве это не свидетельствует о том, что сами египтяне осознавали отличие "глагольности" от "субстантивности"? Только на основании этимологий и метода трансформационной порождающей грамматики утверждать об именном "характере" египетского языка (в историческую эпоху) нельзя, ибо в современной структурной лингвистике, как и прежде, имеет место "не-единственность лингвистических решений и неполная предсказуемость смысла целого, исходя из смысла частей и правил построения", которая говорит "о невозможности полной формализации языка в рамках одной ... системы... Возможны частичные решения, основанные на игнорировании тех или иных аспектов категориального смысла"¹⁷. Это отнюдь не означает неприменимости данного метода к египетскому материалу, более того, ниже будет указано на ряд ценных наблюдений Ф.Юнге. К сказанному выше добавим, что посесивный тип спряжения, известный во многих языках, не приводит исследователей к мысли об отсутствии глагола как такового, но свидетельствует о не-номинативном типе языка, либо о пережитках дономинативности¹⁸, причем максимальным является допущение о синкретическом состоянии чередований функций ряда основ в языках активного строя в прошлом¹⁹. Интересно посмотреть на посесивное спряжение глазами У.Л.Чейфа, заявляющего, что "именно глагол диктует присутствие и характер существительного, а не наоборот"²⁰. Ценным у Ф.Юнге оказалось наблюдение частого присутствия маркера *rw* в именном предложении²¹, его редкость вне него (и правильное истолкование роли *rw* в этих случаях²²), а также наглядная иллюстрация абсолютного отсутствия глагола бытия в именном предложении (в нашем понимании) при его встречаемости в остальных типах предложения²³, что определено нами как релевантный признак египетского именного предложения²⁴. Суть этого явления может быть легко показана на сравнительном материале индоевропейских языков, где глагол - в гораздо большей степени, чем в афразийских языках - "пронизывает" всю систему синтаксиса. Так, в современных западноевропейских языках глагол бытия в именном предложении "не является сам по себе

непосредственной составляющей глубинной структуры, а выступает как семинтически пустой "фиктивный" глагол... для выражения определенных признаков (заключенных обычно в глаголе) в случае отсутствия в предложении глагольного элемента"²⁵. В других же (новых и старых), где глагольность была менее "всепоглощающая", от привнесения в такое предложение глагола бытия "оно утрачивает свою подлинную сущность, которая как раз и заключается в том, что между языковым рядом (высказыванием) и действительностью предполагается отношение "неварьируемости"²⁶. Египетский синтаксис не "пронизан" глаголом и поэтому именное предложение имело в нем столь четкую структуру. Тем не менее, при переводе предложения тождества в квалифицирующее, либо при внесении корректив "вариационного порядка" в само предложение тождества, "варьируемость" могла быть показана либо безглагольно – при помощи препозиции первому главному члену частицы и постановки между членами предложения предлога ш "в (качестве)", либо глагольно – вместо частицы ставился глагол бытия и сохранялся вышеуказанный предлог. В обоих случаях меняется синтаксическая конструкция на разновидности не-именного предложения: адвербиальную и глагольно-адвербиальную. Уже в староегипетском глагол бытия и именное предложение – несовместимые явления, хотя в облике причастия на более поздних этапах развития египетского он пробивает себе туда путь, превращаясь в претеритальный префикс. Но и в протоегипетском глагол бытия сумел закрепиться за одной из древнейших афразийских разновидностей именного предложения, видимо, сначала образуя придаточное сочинительное предложение – в этом заключается наша интерпретация гипотезы Клигенгебена-Дьяконова о происхождении форм старого перфекта²⁷. Не обращалось должного внимания на тот факт, что он отличается от аккадского статива не только своей более сложной флексией, но и семантикой – он более "глаголен", чем статив, являющийся именным предложением, хотя бы потому, что при его образовании участвуют глагольно-именные и чисто-глагольные основы и не употребляются чисто-именные²⁸. И причина заключается как раз в том, что к нему "прирос" глагол бытия в старой форме префиксного спряжения. Когда же эта форма вышла из протоегипетского, "глагольность" старого перфекта могла дублироваться или поддерживаться (как и во всех глагольных и адвербиальных конструкциях – в последних тоже, ибо "нахождение где-то" предполагает вариантивное взаимоотношение субъекта высказывания и действительности) при помощи того же глагола бытия, но уже в новой посессивной форме спряжения²⁹. В результате переоформления статива в протоегипетском произошло размежевание его

функций (и как результат – редистрибуция основ) с собственно-именным предложением, для которого основной стала прежняя вариантная конструкция. Итак, какими бы сложными ни оказались взаимоотношения между частями речи (а также между членами предложения и между теми и другими) в египетском языке, можно констатировать различие между

- 1) глаголом и именем и
- 2) именным и всеми прочими видами предложений.

-
1. М. А. Коростовцев. Введение в египетскую филологию. М., 1963, с. II 9.
 2. G. Lefebvre. Grammaire de l'Égyptien classique. 2. ed. Le Caire, 1955, § 487.
 3. Н. С. Петровский. Сочетания слов в египетском языке. М., 1970, с. 130; А. С. Четверухин. Наблюдения над староегипетскими предложениями и генитивным управлением. – Африканский этнографический сборник. Вып. X. Л., 1975, с. 142.
 4. Коростовцев, ук. соч., с. 120.
 5. W. Schenkel. Das Präpositional- und Adverbialattribut des älteren Ägyptisch, eine Apokoinu-Konstruktion. – JEA 52, 1966, 53 ff.
 6. Коростовцев, ук. соч., с. 162.
 7. См. сам материал: A. H. Gardiner. Egyptian Grammar. 2nd ed. L., 1950, § 226–243.
 8. Обобщено в работе Коростовцева, ук. соч., с. 168–171.
 9. W. Schenkel. Die Altägyptische Suffixkonjugation. Theorie der innerägyptischen Entstehung aus Nomina actionis. – Ägyptologische Abhandlungen. Bd 32, Wiesbaden, 1975.
 10. Id., Das altägyptische Pseudopartizip und das indogermanische Medium/Perfekt, Orientalia, N. S., 40, 1971, 301–316.
 11. И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1957, с. 241–248 и особенно прим. 125.
 12. I. J. Gelb. Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian. – Assyriological Studies, No. 18, Chicago, 1969, с. 211.
 13. W. Schenkel. Beiträge zur mittelägyptischen Syntax I–II, ZÄS, 88, 1963, 113–117.
 14. F. Junge. Syntax der mittelägyptischen Literatursprache. Grundlagen einer Strukturtheorie, Mainz/Rhein, 1978.
 15. А. С. Четверухин. Современное состояние изучения египетского именного предложения. (Рукопись).
 16. Он же. Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса. – "Палестинский сборник". Вып. 27(90). Л., 1981, с. 127–134; он же. О главных членах староегипетского именного предложения. ПП и ПИКНВ, XI/П, М., 1979, с. 259–266.

17. И.И.Ревзин. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977, с. 247.
18. Г.А.Климов. Типология языков активного строя. М., 1977, с.131-132 и 242-245 - место, особо посвященное египетскому материалу.
19. Он же, с. 274-275; он же, Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 219.
20. У.Л.Чейф. Значение и структура языка. М., 1975, с. II5.
21. Junge, ук. соч., с. 127; о рw см.: А.С.Четверухин. Синтаксическая функция указательного местоимения рw в староегипетском именном предложении. ВДИ, 1981, № 4, с.97-III.
22. Junge, ук. соч., с. 61-62.
23. Там же, с. 127.
24. См. прим. I6.
25. Д.Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 34I.
26. Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, с. 182.
27. См. прим. II, а также: он же, Семито-хамитские языки. Опыт классификации. М., 1965, с. 86.
28. Gardiner, ук. соч., § 309-334; E.Edel.Altägyptische Grammatik. Bd.I. Analecta Orientalia, 34, Roma, 1955, § 572-596; cf.Gelb, ук. соч., с. 211: "Subjekt I in Akkadian can be a primary noun, primary adjective, or an active or passive participle".
29. Иная позиция в работе: W.Schenkel.Die altägyptische Suffixkonjugation, с. 67-74.

З.А.Юсупова

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ В АВРАМАНИ

(по тексту литературного памятника XIX в. - дивана Мавлави)^I

В предлагаемой статье рассматриваются выделенные по формам прошедших основ группы глаголов, засвидетельствованных в литературном памятнике на аврамани². Для полноты картины параллельно с прошедшими основами приводятся и основы настоящего времени³. Глагольные основы аврамани даны в сопоставлении с основами аналогичных глаголов в курдских диалектах сорани и курманджи⁴.